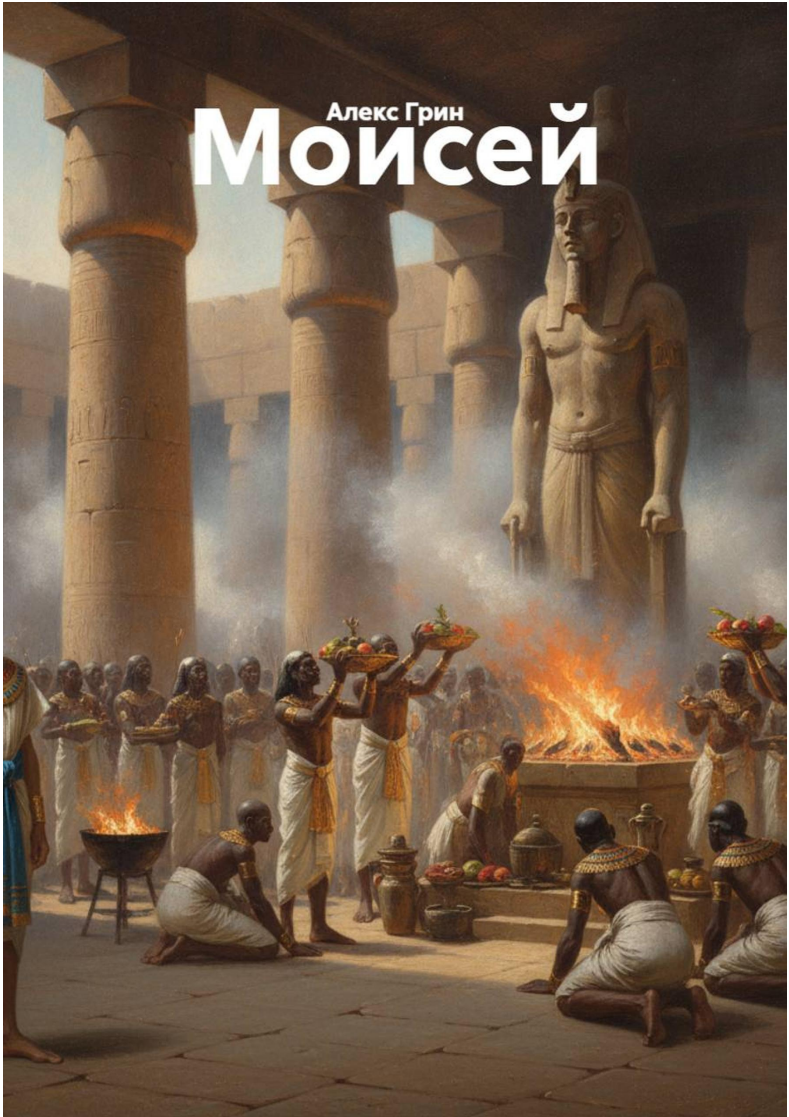
Алекс Грин

Моисей



Алекс Грин
Моисей

https://litres.ru/74707803
SelfPub; 2026

Аннотация

В Египте XV века до н. э. двенадцатилетний Моисей, воспитанный при дворе Хатшепсут, переживает смерть Нефруры и видит царицу в трауре, пока Тутмос III собирает сторонников. Храня веру Яхве и учась у лучших наставников, Моисей оказывается перед выбором: принять предназначенное ему место в династии или остаться верным себе.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 7
Вера мой шит 8
Глава 3 14
Выбери путь. 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Алекс Грин
Моисей

Глава 1

Часть I Наследник двух вер

Вода в пруду стояла неподвижно, будто налитая в каменную чашу. Солнце уже перевалило за полдень, и тени от пальм легли на плиты двора острыми клинками. Моисей сидел на корточках у самой кромки, опустив руку в прохладу, и смотрел, как мальчишки из соседних домов гоняют кожаный мяч.

Мать появилась без звука — только лён её одежды шелестнул, когда она опустилась рядом на пятки. Иохаведа никогда не подзывала его громко. Она просто оказывалась там, где он был, и ждала, пока он сам повернётся.

- Я пришёл.

- Я знаю, сын. Ты всегда приходишь, когда можешь, - произнесла Иохаведа.

Голос у неё был тихий, ровный, как плеск воды о камень. Она не смотрела на него — смотрела на детей, бегающих по двору, но Моисей знал: она видит только его. Каждое движение, каждый вздох.

- Ты сегодня был в храме?

- Утром. Жрецы учили петь хвалу Амону.

Моисей не хотел говорить этого и склонил голову.

- И ты пел?

Моисей промолчал. Он помнил, как стоял в колоннаде, смотрел на дым благовоний и думал о том, что сказала мать в прошлый раз: «Имя Его — не для чужих ушей».

- Ты носишь льняную одежду царицы, ешь её хлеб, учишься у её писцов. Но ты носишь и другое. То, что не видно глазу. То, что нельзя показывать.

Иохаведа говорило глубоко и не торопясь.

Она взяла его руку, мокрую от воды, и сжала в своей. Пальцы у неё были шершавые, в мозолях — не такие, как у придворных дам.

- Никто не должен указывать, кому ты должен молиться по ночам. Ты понял, Моисей? Никто.

- Я понял, мама.

Он сказал это шёпотом, потому что слова эти были не для чужих ушей. Даже здесь, у водоёма, где рядом только чужие дети и старая служанка, что дремлет в тени навеса.

Иохаведа отпустила его руку и поднялась. Она снова стала просто женщиной в бедной одежде, стоящей у воды.

- Приходи через три дня. Я испеку лепёшек.

Моисей кивнул и встал, отряхивая колени. Пора было возвращаться во дворец — пока кто-нибудь не хватился воспитанника царицы. Он сделал шаг, но мать вдруг окликнула его тихо, почти беззвучно.

- Не поворачивайся сразу. Сделай вид, что смотришь на солнце. Там, на другом берегу, человек в белом. Он стоит у пальмы и смотрит на тебя с той минуты, как ты опустил руку в воду.

Моисей замер. Потом медленно поднял голову к небу, будто проверяя, который час. Краем глаза он увидел фигуру в белом льне, неподвижно стоявшую в тени финиковой пальмы на другой стороне пруда. Слуга из дворца. Он не приближался, не уходил — просто стоял и смотрел.

Иохаведа попрощалась:

- Иди, сын. И ничего не бойся.

Глава 2

Вера мой шит

Моисей узнал, что Нефрура умерла, ещё до того, как объявили официально. Он увидел это по лицу Сенмута, когда тот выходил из покоев царицы — побелел, будто сам получил удар. С тех пор прошло три дня, и дворец стал неузнаваем.

Он шёл в приёмный зал, где Хатшепсут должна была выслушать доклады. Коридоры опустели. Придворные, что попадались навстречу, переговаривались шёпотом, а завидев его, замолкали и смотрели. Не так, как раньше. Прежде в их взглядах было любопытство или почтение к царевичу, которого воспитывают при троне. Теперь — прикидка. Словно они взвешивали его на невидимых весах и не могли определить цену.

Моисей вошёл в зал и остановился у входа.

Хатшепсут сидела на троне, но не в полном облачении. На ней было простое льняное платье без золотого нагрудника, волосы убраны, лицо спокойное — слишком спокойное, как вода в пруду перед засухой. Рядом стоял Сенмут. Он не касался её, но стоял так близко, что мог бы подхватить, если бы она пошатнулась.

Она говорила с Усерамоном о поставках зерна в храмы. Голос звучал ровно, но Моисей слышал в нём трещину — тонкую, едва заметную, как след на глиняной табличке, ко-

торый появляется, если слишком сильно нажать стилом.

— Разберись, — сказала она, наконец. — Я утвержу завтра.

Усерамон поклонился и вышел, бросив на Моисея быстрый взгляд. В этом взгляде было что-то новое — настороженность.

Моисей остался стоять.

Хатшепсут посмотрела на него. Взгляд её был тяжёлым, но не злым. Усталым.

— Ты хочешь что-то сказать?

Он не знал, что говорить. Слова матери, которые он повторял про себя последние три дня, не подходили для этого зала. Там было о Боге, который видит, и о народе, который Он не оставит. Здесь — о зерне и налогах.

Моисей поклонился.

— Я хотел быть здесь, госпожа матерь.

Она кивнула. В кивке мелькнуло что-то похожее на благодарность, но она уже смотрела мимо него, на Сенмута. Тот чуть наклонил голову, и Моисей понял, что пора уходить.

В коридоре его догнал Тутмос.

Моисей не слышал шагов — тот появился внезапно, из-за колонны, словно ждал там. Одет был просто, без военного снаряжения, но держался всё равно как воин — спина прямая, взгляд цепкий.

— Царица скорбит, — сказал Тутмос. — Это трудное время для Египта.

Моисей промолчал. Он знал, что Тутмос не ждёт ответа.

— Ты хорошо держишься, — добавил Тутмос, и в голосе его не было тепла. Только оценка. — Для своего возраста.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Моисей смотрел ему вслед и чувствовал, как под ложечкой холодеет. Раньше Тутмос не заговаривал с ним первым. Раньше он вообще его не замечал.

Моисей пошёл к выходу со двора, чувствуя спиной этот взгляд. Он знал: сегодня вечером кто-то во дворце скажет, что видели, как мальчик из покоев царицы склонил голову не в ту сторону. И что он долго сидел у воды с женщиной из квартала левитов.

За воротами он остановился на мгновение и обернулся. Мать уже ушла. Только рябь на воде ещё дрожала там, где он опускал руку.

Нил у пристани был мутным, медно-жёлтым в утреннем свете. Войско грузилось на корабли — пехота, колесницы, вьючные ослы — и вся пристань гудела голосами, скрипом дерева, короткими командами.

Тутмос стоял на сходнях, уже в походном облачении, и смотрел, как грузят его колесницу. Ему было двадцать, он был соправителем Египта и не правил ничем. Царица правила. Он уходил в Нубию, потому что здесь, в Фивах, ему не оставалось ничего, кроме поклонов и ожидания.

Молодой офицер по имени Рехмир произнес:

- Всё готово, государь. Корабли загружены, люди на ме-

стах.

Другой молодой офицер по имени Иниотей добавил:

- Ветер попутный, до первого порога дойдём за пять дней.

Тутмос кивнул, не оборачиваясь. Эти двое были ему нужнее любой свиты — Рехмир, который умел считать и писать, и Иниотей, который умел слушать и молчать. С ними он вернётся не просто из похода. С ними он вернётся с силой.

Рехмир вновь сказал:

- Царица прислала писца. Спрашивает, не нужно ли чего перед отплытием.

Тутмос усмехнулся. Царица знала, что он уходит. Она отпускала его каждый раз, потому что походы были нужны Египту, а её власть — в Дейр-эль-Бахри, не на порогах Нила. Но писец, стоящий на причале с папирусом в руках, был напоминанием: даже здесь, у воды, он под её присмотром.

- Передай царице, что всё хорошо. Войско сыто, корабли целы, я исполняю свой долг.

Тутмос сказал это громко, чтобы слышали на берегу. Потом повернулся к офицерам и тише, почти шёпотом, добавил, - И запомните этот берег. Мы вернёмся сюда, когда я скажу.

Иниотей коротко кивнул. Рехмир промолчал, но глаза его сказали всё.

Тутмос ступил на палубу. Нос корабля уже разворачивали по течению, и ветер натянул парус с сухим хлопком. Он стоял у борта, глядя на удаляющийся город, на белые стены

дворца, на храм Амона, поднимающийся над крышами. Царица была там, за этими стенами, и мальчишка, которого она вырастила, тоже был там — Моисей, чужеземец, которого она посадила рядом с собой.

Тутмос сжал поручень так, что побелели костяшки.

Он вернётся. И тогда всё будет иначе.

В тот вечер Моисей сидел у окна в своей комнате и смотрел, как солнце садится за Нил. Он вспоминал ее наставления часто по вечерам: «Когда станет страшно, вспомни, что Бог видит тебя. Даже здесь».

Он вспомнил её руки — шершавые от работы, тёплые. Её голос, когда она учила его молитве в их маленьком доме. Ей было всё равно, что он теперь царевич. Для неё он оставался сыном, которого она родила под страхом смерти.

Моисей прошептал слова на языке, которого не понимал никто в этом дворце.

Слова упали в тишину комнаты и растворились. За дверью послышались шаги — кто-то прошёл мимо, не остановился. Стражник. Или слуга. Или один из людей Тутмоса.

Моисей открыл глаза.

В темноте за окном горели огни Фив. Город жил своей жизнью — там смеялись, торговали, молились другим богам. Никто не знал, что в одной из комнат дворца мальчик шепчет молитву, за которую его могли бы высмеять, если бы услышали.

И что завтра утром придворные снова будут смотреть на

него и прикидывать его цену.

Глава 3

Выбери путь.

Покои визира пахли папирусом и сушёными травами — запах, который Моисей уже научился узнавать как запах власти. Здесь решались судьбы городов, здесь писались указы, отсюда расходились гонцы во все концы Египта. Но сейчас в комнате было тихо, и Усерамон сидел за столом неподвижно, сложив руки на столешнице.

Он не поднял головы, когда Моисей вошёл. Только пальцы его шевельнулись — жест, который мальчик уже знал: садись и жди.

Усерамон тихо произнес:

- Ты был у воды сегодня. С женщиной из квартала евреев.

Моисей замер. Не от страха — от неожиданности. Он думал, что успел уйти незамеченным, что человек в белом льне ничего не разглядел. Но визир знал всё. Знал всегда.

- Не отвечай. Я не спрашиваю, я говорю тебе то, что знаю. И знаю я больше, чем ты думаешь. Больше, чем хочешь ты.

Усерамон поднял глаза. Взгляд у него был тяжёлый, но не злой. Так смотрят на того, кого хотят уберечь от беды.

- При дворе есть вещи, которых нельзя делать, даже если они кажутся тебе правильными. Нельзя произносить Имя, которого нет в храмах Амона. Нельзя спорить с жрецами. Нельзя показывать, что ты не такой, как все. Ты понимаешь,

о чём я?

Моисей понимал. Мать говорила то же самое, но другими словами. «Никто не должен знать, кому ты молишься по ночам». Теперь это говорил визир, и голос его был ровным, как вода в канале.

- Я понимаю.

Усерамон укоризненно произнес:

- Нет. Ты не понимаешь. Ты думаешь, что если будешь осторожен, то никто не заметит. Но при дворе замечают всё. Твой взгляд, твой поклон, то, как ты склоняешь голову, когда проходишь мимо алтаря. Всё это читают, как папирус. И если кто-то прочитает правду — тебя сломают. Не царица, не я. Те, кто ждёт, когда ты ошибёшься.

Он помолчал. Солнце пробивалось сквозь высокое окно, ложилось на пол длинным золотым прямоугольником. В этом свете пылинки танцевали медленно, будто во сне.

Усерамон опять сказал:

- Ты носишь в себе то, что для этого двора — чуждое. Я не говорю, что это плохо. Я говорю, что это опасно. И если ты хочешь выжить — ты должен научиться молчать. Не прятать, а именно молчать. Сделать так, чтобы внутри тебя ничего не было видно снаружи.

Моисей молчал. Он смотрел на свои руки, сложенные на коленях, и думал о том, что мать учила его иному: не молчать, а помнить. Не прятать, а хранить.

Усерамон продолжил:

- Я знаю, о чём ты сейчас думаешь. И знаю, что не смогу переубедить тебя. Но я хочу, чтобы ты запомнил одно: каждое твоё слово, каждый твой шаг — это не только твоя жизнь. Это жизнь тех, кто тебя учил. Тех, кто тебя любит. Ты готов за них ответить?

Моисей поднял глаза. Встретил взгляд визира и не опустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.